

СЪВЕРНЫЙ
ВЪСТНИКЪ

1892

№ 1

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. Демакова, Новый пер., д. № 7.

А. Волынский. Литературные заметки.
— «Северный вестник» 1892 № 1.

Мас. № 10224.

Литературные заметки.

177

вая капля въ огромномъ морѣ. Мы понимаемъ то чувство г. Льскова, подъ влияніемъ котораго написаны послѣднія строки его разсказа. Это истинно человѣчно и просвѣщенное чувство писателя съ вдумчивымъ умомъ и нервно чуткимъ отношеніемъ къ фактамъ жизни.

Повѣдка принесла автору пользу. Онъ какъ будто побогатѣлъ впечатлѣніями. Теперь, если ему случается возвращаться ночью по купеческимъ улицамъ и видѣть теплящіяся въ большихъ домахъ разноцвѣтныя лампады, ему уже не представляются однѣ только безнадежныя жортыя темнаго царства, но кажется, что тамъ, около этихъ лампадокъ, дышетъ бодрый духъ Клавдийки, дающій ресурсъ къ жизни всему, что Высшей Волѣ угодно усовершенать въ борьбѣ свѣта съ тьмою...

Таковъ заключительный аккордъ этой странной, но въ высшей степени талантливой повѣсти. Писатель, некогда бывший предметомъ всеобщаго журнальнаго ожесточенія, не перестаетъ рѣзкимъ словомъ, ядовитой шуткой открыто идти на встрѣчу развѣтлившейся толпѣ представителей газетнаго обскурантизма, литературнаго пристрастія и рутинной предвзятости. Улеглись журнальныя страсти, возмужалъ интересъ къ художественнымъ талантамъ, расширились философскіе запросы, и нѣя одного изъ талантливейшихъ литературныхъ дѣятелей, по праву и справедливости, заняло подобающее ему мѣсто.

III.

Веченіе октября и ноября привлекала къ себѣ вниманіе публики повесть г. Чехова, печатавшаяся въ фельетонѣ «Новаго Времени». Г. Чеховъ больше года не выступалъ ни съ какой новой беллетристической вещью, и публика вправдѣ была ожидать отъ молодого писателя чего нибудь крупнаго, яркаго, сильнаго — тѣмъ болѣе, что г. Чеховъ, какъ извѣстно, совершилъ большое путешествіе въ отдаленную часть Азіи, откуда, при своей живости и чуткости, могъ вынести не мало интересныхъ впечатлѣній и наблюденій. Въ небольшой плоядѣ нашихъ молодыхъ беллетристовъ г. Чеховъ занимаетъ, какъ мы уже имѣли случай говорить, очень видное мѣсто, и кришка, конечно, не можетъ обходить безъ вниманія всѣ проявленія этого нѣсколько медленно, хотя и несомнѣнно развивающаго дарованія.

«Дуэль» одна изъ удачныхъ вещей г. Чехова. Дѣйствующія лица живы, сюжетъ представляетъ психологическій интересъ, діалоги, коюгда черозъ-чуръ резонерскіе, не лишены характерности и замысла. По обыкновенію — множество поэтическихъ деталей, остроумныхъ блестяхъ, мимодежныхъ художественныхъ намековъ. Если хотите, это одна изъ наиболее глубоко задуманныхъ его вещей послѣ «Скучной исторіи». На сценѣ какъ-бы два характерныхъ варианта современнаго интелли-

Всѣ эти вещи —
очень интересные
и характерные
смыслы

гентнаго человека: развихлийно-неустойчивый, искусственно-намагниченный чужими фразами, Иванъ Андреевичъ Лаевскій и примодно-убѣжденный, неповоротливый упорный и до мельчайшихъ подробностей отчеканенный въ своихъ поверхностно-научныхъ симпатіяхъ воодушевленный фонъ-Корень. Это дѣйствительно два человека, взятые изъ окружающей дѣйствительности. Безпринципное блужданіе, языческіе истинны, ослабленные психозомъ и неврастенией, психическій аппаратъ безъ объединяющаго нравственнаго центра—съ одной стороны, узкій педантизмъ безъ обобщающихъ понятій, съ трусливымъ, недовѣрчивымъ отношеніемъ къ отвлеченному идеалу, съ какою-то обскурантною нетерпимостью къ неограниченному философскому исканію, съ другой стороны — въ самомъ дѣлѣ это наша жизнь, это струя современности въ широкомъ смыслѣ слова. Въ «Дуэли» романическія обстоятельства играютъ ничтожную роль, хотя на ихъ сторонѣ почти весь талантъ автора. На первомъ планѣ съ начала до конца — отношеніе между Лаевскимъ и фонъ-Коренемъ, которые пытались другъ къ другу органическую антипатію. Оба отталкиваются другъ отъ друга естественно, почти невольно. Фонъ-Корень говоритъ о Лаевскомъ въ тонѣ самаго шалкаго негодованія. «Я понялъ Лаевскаго, говоритъ онъ, въ первомъ же мѣсяцѣ нашего знакомства... Такіе люди, какъ онъ, очень любятъ дружбу, сближеніе, солидарность и тому подобнае, потому что имъ всегда нужна компанія для винта, шипивки и закуски... Въ качествѣ друга и журилъ его, зачѣмъ онъ много пьетъ, зачѣмъ живетъ не по средствамъ и дѣлаетъ долги, зачѣмъ ничего не дѣлаетъ и не читаетъ, зачѣмъ такъ мало культуренъ и мало знаетъ... Лаевскій отвѣчалъ на всѣ упреки фонъ-Корена: «Я неудачникъ, лишній человекъ... Что вы хотите, батенька, отъ насъ, осколковъ крѣпостничества»... Оявгивъ, Печоринъ, байроновскій Капитъ... Лаевскій долженъ казаться великимъ и въ своемъ паденіи! Его распутство, нечистоплотность — явленіе естественно-историческое, освященное необходимостью, міровой стихійностью!.. А между тѣмъ — ябло куда проще. Существованіе Лаевскаго заключено въ очень тѣсную программу: туфли, купанье, опять туфли, вино, винтъ, лганье, ужинъ и la femme... Въ сущности немного — интеллигентныя фразы на кутежахъ и между кутежами. Фонъ-Корень съ удовольствіемъ отскѣ-би голову въѣмъ Лаевскимъ на свѣтъ. Первобытное человечество было охраняемо отъ такихъ, какъ Лаевскій, борьбою за существованіе и подборомъ. Наша культура ослабила борьбу и подборъ, и мы должны сами позаботиться объ уничтоженіи хлихъ и негодныхъ, — иначе цивилизація погибнетъ и человечество вырождается...

Фонъ-Корень изливаетъ свое негодующее чувство передъ однимъ, очень типичнымъ лицомъ разсказа — докторомъ Самойленко, обрисованнымъ по истинѣ мастерски. Отвѣтныя слова, которыя авторъ вла-

гастъ въ уста доктора, дѣлають положительно честь умственной ясности писателя. Отъ нихъ вѣтъ свѣжестю души, не затуманенной никакими претенціозно-профанними взглядами, не загубленной звонкой, пустой фразой.

— Если людей топить и вѣшать, сказала Самойленко, то къ чорту и твою цивилизацію, и человечество! Къ чорту!..

Въ другомъ мѣстѣ фонъ-Корень, въ разговорѣ съ дьякономъ, выражаетъ свои взгляды въ болѣе отвлеченной формѣ. Плохіе научные софизмы съ цѣлью, такъ сказать, усмирить и сѣзуть требованія нравственнаго закона... Гуманитарныя науки должны встрѣтиться съ точными науками и пойти съ ними рядомъ. «Встрѣтятся-ли онѣ подъ микроскопомъ или въ монологахъ новаго Гамлета, или въ новой религіи, я не знаю, но думаю, что земля покроется ледяной корою раньше, чѣмъ это случится». Самое стойкое и живучее гуманитарное ученіе понимается такъ различно! Одни учатъ, чтобы мы любили ближняго и дѣлають при этомъ исключеніе для преступниковъ и безумныхъ. Другіе учатъ любить всѣхъ ближнихъ безъ исключенія: если приходитъ бугорчатный или убійца и сватають вашу дочь — отдавайте, если кретины идуть войной на физически и умственно здоровыхъ, подставляйте голову.. Никогда не ставьте вопроса на философскую или такъ называсмую христіанскую точку зрѣнія: это только отдаляетъ отъ цѣли. Довѣрьтесь очевидности и логикѣ фактовъ. Человѣчеству грозитъ опасность со стороны нравственно и физически ненормальныхъ, и если вы не въ силахъ возвысить низшую породу до нормы, то у васъ должно хватить силъ и умѣнья обезвредить ее, т. е. уничтожить.

— Значить любовь въ томъ, чтобы сильный побѣждалъ слабого?

— Несомнѣнно.

— Но вѣдь сильные распяли Господа нашего Іисуса Христа!..

Лаевскій со смиреніемъ ничтожнаго, падшаго человѣка преклоняется передъ фонъ-Кореномъ. Фонъ-Корень импонируетъ ему своимъ деспотическимъ характеромъ, своей вѣчной готовностью къ мятежному наскоку, своей безстрашной прямою. Сильная, но не глубокая натура, философски-безцвѣтный, конкретный умъ фонъ-Корена внушаютъ нервически-распущенному Лаевскому какой-то ужасъ. Лаевскій инстинктивно пятится назадъ при всякомъ столкновеніи съ фонъ-Кореномъ, точно передъ ужасающими рогами разъяреннаго быка.

— Я пустой, ничтожный, падшій человѣкъ! восклицаетъ Лаевскій.— Воздухъ, которымъ дышу, это вино, любовь, однимъ словомъ жизнь я до сихъ поръ покупалъ цѣной лжи, правды и малодушія. До сихъ поръ я обманывалъ людей и себя, страдалъ отъ этого, и страданія мои были дешевы и пошлы. Передъ ненавистью фонъ-Корена я робко гну спину, потому что временами самъ ненавижу и презираю себя.

Повторяемъ, эти два характера вырваны изъ жизни. Лаевскій и фонъ-Коренъ оба ничтожны и плоски: одинъ со своимъ безсиліемъ, другой со своей нравственной слѣпотой — со всѣми своими плохо скомпанованными научными фразами, со всѣми своимъ пристрастіемъ къ борьбѣ и подбору. Все различіе между ними, въ концѣ концовъ, сводится къ различной крѣпости нервной и, вообще, физической организаціи, темперамента — къ различнымъ качествамъ анатомическаго строенія. Лаевскій, натура слабонервная, разбитая, растрепанная, прикидывается чуткимъ, впечатлительнымъ и внутренно-истерзаннымъ человекомъ, фонъ-Коренъ, крѣпкая натура съ притупленными чувствительными нервами и выносливыми двигательными, самую чуткость, впечатлительность и всякія внутреннія терзанія *принципіально* не ставитъ ни во что. Лаевскій слышалъ звонокъ и не знаетъ, откуда онъ, — фонъ-Коренъ слышалъ звонокъ и знаетъ, откуда онъ, но отвѣчаетъ на него раздраженнымъ негодованіемъ человека, но способнаго ни сочувственно откликнуться на этотъ звонокъ, ни осмыслить его въ своемъ самовольно-ограниченномъ міросозерцаніи.

Самойленко и дьяконъ — двѣ простыя, правдивыя души — только отвѣчаютъ картину, въ которой главные герои разсказа поставлены другъ противъ друга. Г. Чеховъ сумѣлъ составить любопытную группу совершенно жизненныхъ портретовъ. Лаевскій, фонъ-Коренъ, Самойленко, дьяконъ — психическая разнородность, деревянная твердая жизненной постройкой, деликатное и заботливое добродушіе, добродушіе уступчивое и ни въ чемъ не требовательное... Несомнѣнно — жизнь схвачена въ этомъ небольшомъ, но остроумномъ наброскѣ. Не вѣдь что достойно еще вниманія. Но общепринятой методъ, содержаніе и идея беллетристическихъ произведеній вращаются преимущественно вокругъ любви. Любовь — это тотъ свѣтъ, въ который вступаютъ дѣйствующія лица романовъ и повѣстей, чтобы обнаружить свои внутреннія особенности и склонности. Въ дѣйствительности бываетъ, однако, не всегда такъ. Любовь движетъ не всѣми страстями человека и не всегда драма жизни складывается подъ вліяніемъ сердца. Въ этомъ смыслѣ «Дуэль» произведеніе, выходящее изъ обычнаго шаблона. Между Лаевскимъ и фонъ-Кореномъ происходитъ дуэль по причинамъ, не имѣющимъ ничего общаго съ соперничествомъ на почвѣ любви. Лаевскій бросилъ однажды нѣсколько обидныхъ словъ, когда былъ выведенъ изъ себя черезчуръ очевиднымъ издѣвательствомъ фонъ-Корена. Дуэль состоялась, но благодаря случайности прошла благополучно для Лаевскаго. Г. Чеховъ прекрасно изображаетъ душевное состояніе Лаевскаго на мѣстѣ дуэли. Этому слабому человеку предстояло выдержать ужасное испытаніе. Не будучи въ силахъ причинить кому нибудь смертельный ударъ, Лаевскій, почти неожиданно для себя, сдѣлался ми-

шенью для того, кто считалъ своимъ нравственнымъ правомъ стрѣлять въ ненормальнаго челоѵка безъ всякихъ сомнѣній и колебаній...

Лаевскій взвелъ курокъ и поднялъ холодный пистолетъ дуломъ вверхъ. Онъ вспомнилъ свою ненависть къ смуглому лбу и курчавымъ волосамъ, и подумалъ, что даже въ минуту сильной ненависти и гнѣва онъ не могъ бы выстрѣлить въ челоѵка. Глядя на блѣдное, насмѣливо улыбавшееся лицо фонъ-Корена, который очевидно былъ увѣренъ, что его противникъ выстрѣлитъ въ воздухъ, Лаевскій думалъ, что сейчасъ, слава Богу, все кончится...

Время, пока фонъ-Корень приближался, показалось Лаевскому длиннѣе ночи. Онъ умоляюще взглянулъ на секундантовъ — они не шевелились, и были блѣдны. Запахло убийствомъ и смертью... Фонъ-Корень не убилъ Лаевского, какъ уже сказано, только случайно.

Повѣсть развязывается своеобразно. Лаевскій, послѣ дуэли, подъ влиянiемъ пережитаго страданiя какъ бы перерождается. Онъ вступаетъ на новый путь жизни, волнуемый желанiемъ пережизнѣться, переработать себя, лучше приспособиться къ жизненной задачѣ. Г. Чеховъ обозначаетъ это перерожденiе Лаевского недостаточно опредѣленно. Последняя глава «Дуэли», не смотря на нѣкоторыя трогательныя черточки, производитъ не совсемъ удовлетворяющее впечатлѣнiе. Разсказъ обрывается на томъ пунктѣ, на которомъ талантъ вполне законченный, вѣроятно, искусился бы углубить психологическiй анализъ.

Аксесуары «Дуэли» написаны г. Чеховымъ съ обычнымъ искусствомъ. Всѣ романическiе эпизоды незаконной жены Лаевского съ офицеромъ и армянинномъ набросаны живыми и яркими красками. Раздраженiе Лаевского противъ Надежды Оедоровны, къ которой онъ уже больше не чувствуетъ любви, изображены съ психологическою правдивостью. Авторъ подчеркиваетъ физиологическiй элементъ въ нравственной распущенности Надежды Оедоровны — тонко, умно и искусно. Это грѣшница низшаго разбора, безъ огня и душевныхъ увлеченiй, но съ непремѣннымъ желанiемъ пользоваться жизнью, пока еще не высохли ресурсы любви...

IV.

Ограниченность мѣста не позволитъ намъ закончить въ январьской книгѣ обзорѣнiя наиболее выдающихся явленiй за протекшiй годъ. Мы нижемъ въ виду остановиться болѣе или менѣе подробно на романѣ «Смѣна» г. Эргеля, на новыхъ двухъ томахъ разсказовъ г. Каронина, на собранiи сочиненiй Златовратскаго, на новыхъ двухъ томикахъ разсказовъ г. Потапенко и другихъ — въ области беллетристики, и на нѣкоторыхъ сочиненiяхъ г. Спасовича, Владимiра Соловьева, — въ области публици-